

С Олегом Ефремовым у меня было абсолютное чувство безопасности

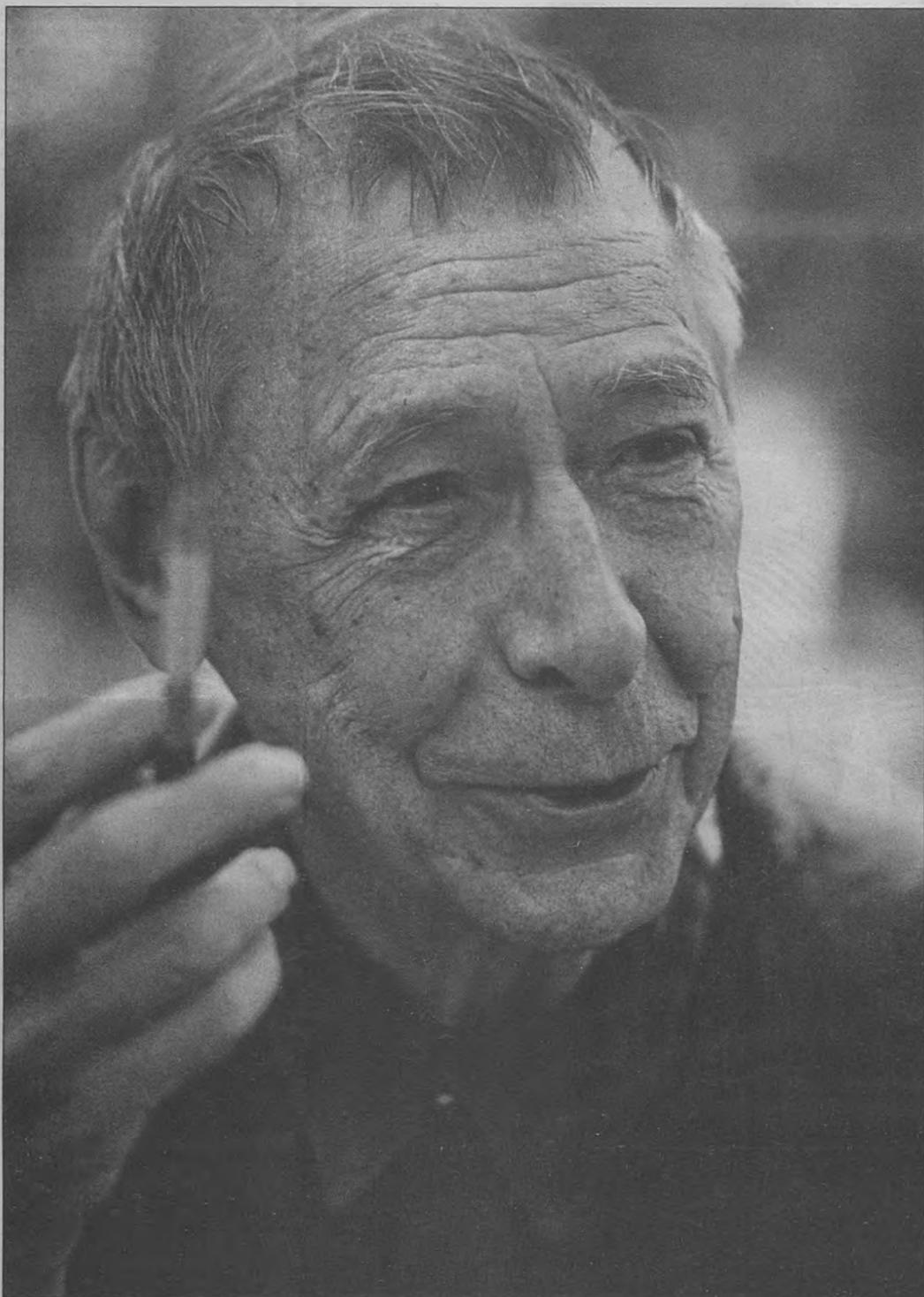
Вспоминаю свою первую встречу с Олегом. 1955 год. Я – студент Горного института и одновременно член зрительского актива Центрального Детского театра. Там тогда с огромным успехом шел спектакль “Димка-невидимка”, поставленный молодым актером этого театра Олегом Ефремовым. И по тому, как он работал, как хулиганил на сцене, почему-то показалось, что это очень близкий мне человек. А я как раз к тому времени закончил свою пьесу “Чистые руки” и, набравшись нахальства, позвонил в ЦДТ, попросил позвать Ефремова. Он подошел к телефону, я услышал в трубке знакомый голос и сказал: “Я – студент Горного института, написал пьесу о школе, хотел бы вам показать”. Он ответил: “Ну и прекрасно, приноси, приходи после спектакля на служебный вход, я спущусь и возьму твою пьесу”. Спросил, как моя фамилия? А моя фамилия в то время была Маршак.

Пришел я в театр вечером, стою, жду, проходят актеры, Ефремова нет. Когда я уже устал стоять, вдруг слышу сверху его голос, обращенный к одной актрисе: “Там меня какой-то сумасшедший ждет внизу, придумал себе фамилию Маршак. Сейчас я быстренько его отправлю и мы с тобой завалимся в ВТО”. В общем, когда они спустились, меня уже не было. Обиделся. После этого Олег меня часто просил: “Ну, давай, расскажи, как мы с тобой познакомились”. Вот такое было начало.

Тогда это ничем не закончилось. Моя пьеса попала в другой театр, в Московский ТЮЗ. Но Олег пришел на спектакль, он ему понравился, особенно работа в нем Ролана Быкова, который играл секретаря комсомольской организации школы, такого подонка, карьериста. Он почувствовал, понял, что меня интересует и волнует. Оказалось, что и его тоже – вот эта проблема перерождения.

А в совместной работе мы с ним встретились позже, в 1957 году. Я внимательно и с огромным интересом следил за тем, как развивается Театр Современник, бывал на всех спектаклях. И, конечно, у меня была мечта – написать пьесу именно для этого театра. И вот однажды мы с Ефремовым где-то случайно встретились, и он сказал: “Приходи, потолкуем”. Я пришел в здание на площади Маяковского, он был один, и мы, собственно, и начали знакомиться по-настоящему. Я ему что-то о себе рассказал, он мне – о театре и его задачах и планах. И тогда же он мне признался, что очень хотел бы получить пьесу о революции, но такую, где автор пошел бы по пути Булгакова. В том смысле, что у Булгакова была пьеса о Пушкине без участия самого Александра Сергеевича. Я на это ответил, что попробую.

Буквально в первые минуты разговора мы почувствовали какую-то близость наших гражданских позиций. Нам обоим хотелось заглянуть в прошлое, для того чтобы понять, почему у нас такое настоящее. Почему не получилось? Нас всех тогда интересовала трагедия 37-го года. И не только потому, что мы лично были ею опалены, но ведь действительно миллионы людей погибли ни за что ни про что. Как такое могло случиться? Почему? Эта тема страшно меня волновала. Я пытался разобраться в понятиях “красного террора”, “белого террора”. Приходил к Ефремову часто, рассказывал о том, что я читаю, чем занимаюсь, с кем встречаюсь. Все мои идеи по поводу новой пьесы он одо-

О.Ефремов. 1997 г.

брал. И в результате через два-три месяца я принес в театр пьесу “Большевики”. А у Ефремова уже в то время родился замысел сделать трилогию, которая впоследствии и получилась в Театре Современник, включая еще спектакли “Декабристы” и “Народовольцы”. Правда, две последние пьесы мне не принадлежали.

С этим многое было связано. На днях мне подарили целую папку с документами на меня, Ефремова, Современник. Это переписка работников Главлита с Министерством культуры СССР с протестами против всех моих “революционных” пьес. Надо признать, все они были очень хорошими опричниками этой системы. У них в пузе и в мозгах сидели счетчики Гейгера, которые предельно точно все улавливали. Вот и все мои документы, связанные со спектаклями Ефремова, были в этой папке.

И в связи с этим я вспомнил, как в 1968 году меня исключали из партии за эти пьесы. Участие моя была практически решена. Я, естествен-

но, нервничал, потому что в то время быть исключенным из партии, да еще по идеологическим причинам, – не самый лучший “подарок”. А Олег мне тогда сказал: “Я тебя одного туда не пущу, я пойду с тобой”. И он действительно пошел со мной, дезорганизовав всю работу бюро райкома партии. Он кричал на них, высмеивал. Он мог себе это позволить, потому что действительно был всенародно любимым артистом. Об этом случае никто не знает, кроме нас двоих (теперь уже только меня) и тех членов бюро.

После этого мы близко с ним сошлись, стали дружить. Впоследствии вместе работали над спектаклем уже Московского Художественного театра “Так победим!”. Как всегда, я сначала рассказал Олегу об идее новой пьесы. Он давал очень верные и точные советы. И затем я отправлялся к письменному столу. И наше творчество было совместным. Я всегда находился рядом с ним на репетициях. Когда возникали какие-то трудности, я тут же что-то предлагал, заражаясь от энергии уже оформлявшегося действия. Помимо полного единства позиций, у меня было абсолютное ощущение безопасности. Уверенность в том, что тебя не предадут, от тебя не откажут, но вместе с тобой пройду весь путь до конца. В этом смысле с Олегом никто сравнения не выдерживает. Да, и другие хорошие режиссеры хотели со мной работать и даже начинали это делать, но потом могли отказаться, пересмотреть свои взгляды под влиянием атмосферы вокруг. С Олегом этого не происходило никогда.

Я уже много лет занимаюсь проектом Российского культурного центра. Идея этого проекта родилась еще в 1986 году, когда создавался Союз театральных деятелей. Тогда Олег сказал всем нам, стоявшим у истоков союза: “Давайте подумаем, что каждый может сделать для союза, для культуры, чтобы не превратиться в генера-

лов, сидящих в кабинетах, к которым на прием просятся актеры”. Вот у меня и возникла идея создать такой комплекс, где объединятся все музы и бизнес. Когда я поделился ею со всеми тогдашними секретарями СТД, они подняли меня на смех и объявили городским сумасшедшим. Ведь у союза тогда не было денег даже на скрепки. А Олег это поддержал, сказав, что идея замечательная и надо воспользоваться тем уважением, которое к нам испытывает власть. Воспользоваться тем, что мы можем открывать какие-то кабинеты и чего-то добиваться для культуры. Попросту говоря, он благословил меня на это дело. И я мечтаю: когда все закончится, внести предложение присвоить Российскому культурному центру имя Олега Ефремова. Я на собственной шкуре испытал, что значит учиться бизнесу, российскому капитализму, не по книгам это изучал. И если бы не Олег, я, наверное, всего этого не выдержал бы.

И в то же время у нас была идея поработать еще над одним совместным спектаклем. К сожалению, мы не успели... Буквально за несколько дней до своей смерти, в мае 2000 года, Олег приехал ко мне в Переделкино и сказал: “Хватит строить, давай пиши пьесу”. Он хотел закончить тем, чем мы когда-то с ним начинали. Откровенно говоря, я был не то чтобы удивлен, просто немножко скептически к этому отнесся. Я представлял себе, что значит в этих новых условиях вновь вывести на сцену Ленина и прочих персонажей Октябрьской революции и советского прошлого. А Олег говорил о том, что теперь уже ясно – Октябрьская революция потерпела поражение. Но никто так и не взял на себя труд проанализировать, почему? Это ведь огромная трагедия для многих людей. А от КПРФ, партии Зюганова, серьезного анализа ждать не приходится. И мы должны задать все вопросы, которые нас волнуют, одному челове-

ку – Владимиру Ильичу Ленину. И пусть он ответит. Вот в чем был смысл идеи Ефремова. В тот день, когда он мне все это рассказал, я не был готов ответить “за Ленина” на все вопросы. Но потом это как-то меня захватило. Единственное, что я успел ему сказать, – это предложение назвать будущей пьесы. Да, будут заданы все вопросы, по возможности получены все ответы, но пьеса будет называться “Вопросы остаются”. Ему это страшно понравилось. Но через несколько дней Ефремова не стало...

А я с этим остался один на один, пока не появился Миша Ефремов, сын Олега, который захотел завершить то, что не успел сделать его отец. Миша знал о наших планах, я и сам тоже где-то об этом рассказывал. Миша очень хочет со мной работать. Для меня это важно, поскольку наше желание взаимное. К тому же я его давно знаю, во всех проявлениях, и мне интересно наблюдать и за ним самим, и за тем, чем он занимается. Я ему сейчас дал все отцовские книжки, статьи, где Олег пишет, почему он работает с Шатровым. Я стал замечать – раньше, пока отец был жив, Миша всегда бежал от всех этих разговоров, казавшихся ненужными. Сегодня его это очень волнует. Он просит у меня книги, материалы о Ленине. Он заводится точно так же, как и его отец, очень легко. И на многое в этой ситуации смотрит не как политик, но с точки зрения художника. Его эта драматическая ситуация взволновала, он зажегся. А мне тоже нужен человек, который будет заражать меня своим энтузиазмом. Хотя, конечно, он и Олег – абсолютно разные люди и художники. Но в целом, если у нас что-то получится, это будет безусловно любопытно.

Фото

Николая САМОЙЛОВА
и Валерия ПЛОТНИКОВА

Слева: О.Ефремов и М.Шатров Справа: О.Ефремов и актеры МХАТ на репетиции спектакля М.Рошина “Перламутровая Зинаида”